

**МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО
ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН**

**САМАРКАНДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АЛИШЕРА НАВОИ**

Отделение русской филологии

Кафедра мировой литературы

**РОМАН «ПРОКЛЯТЫ И УБИТЫ» В.П. АСТАФЬЕВА В КОНТЕКСТЕ
ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЭВОЛЮЦИИ ТВОРЧЕСТВА
ПИСАТЕЛЯ**

Выпускная квалификационная работа

Исполнитель: студент 4 курса

Иванов Эрнст

Научный руководитель:

к.ф.н., доц. Мустаев К.Т.

Выпускная квалификационная работа выполнена на кафедре
Мировой литературы. Рассмотрена и допущена к защите ___ мая 2013 г.
(протокол №__)

Завкафедрой мировой литературы _____ доц. _____

Выпускная квалификационная работа защищена на собрании ГАК и оценена
на ___ баллов (протокол №__)

Председатель ГАКа: _____

Члены:

Самарканд – 2013

ВВЕДЕНИЕ

А. Твардовский

Две строчки

Из записной потертой книжки
Две строчки о бойце-парнишке,
Что был в сороковом году
Убит в Финляндии на льду.

Лежало как-то неумело
По-детски маленькое тело.
Шинель ко льду мороз прижал,
Далёко шапка отлетела.

Казалось, мальчик не лежал,
А всё ещё бегом бежал,
Да лёд за полу придержал...

Среди большой войны жестокой,
С чего – ума не приложу, -
Мне жалко той судьбы далекой,
Как будто мёртвый, одинокий,
Как будто это я лежу,
Примерзший, маленький, убитый
На той войне незначительной,
Забытый, маленький, лежу.

1943

Когда были опубликованы первые главы романа Астафьева «Прокляты и убиты», в Молдавии, Таджикистане и Нагорном Карабахе шла война.

Назревала война в Абхазии. Публикация последних глав совпала с началом войны в Чечне. Наверное, классик, живи он сегодня, создал бы такую редакцию знаменитой строфы:

Одна война сменить другую

Спешит, дав миру полчаса.

Совершенно очевидно, что этот роман написан под непереносимым впечатлением сегодняшней нашей жизни. Огню и тлену предает он не сороковые годы, а полувоенные девяностые. «Чтобы так написать о войне, - нашей величайшей славе и печали, - надо вконец разувериться в человечестве. Видишь страшные сцены форсирования Великой реки, а за печатными знаками слышишь астафьевский крик: «Зачем!? Ради чего, ради кого принесено столько жертв?! Ради сытого холеного вора, дорвавшегося до власти?! Ради временщиков, обуреваемых единственной страстью – как можно быстрее и как можно толще набить свою бездонную кошницу?! Ради того, чтобы наши, доморощенные русские офицеры-фашисты, презрев немыслимые жертвы мировой, поднимали штандарты со свастикой и портретами Гитлера? Ради шпаны, королями разгуливающей по русским городам и весям? Ради того, чтобы атомной бомбой и бандитским обрезом быть пугалом всему миру?! Да будьте вы все прокляты! ... Убиты! ...»(3,201).

Своего рода В.П. Астафьев создал новый апокалипсис, и человеку неподготовленному, с незакаленной психикой нечего делать ни в первой книге романа, ни во второй.

Если в первой книге «Чертова яма» царят мат и смрад, то во второй части «Плацдарм» - смерть. Если в первой – похабщина и гнусность солдатской тыловой жизни, то во второй – расплата за содеянное. В. Астафьев расплачивается с десятками тысяч. Ему нет разницы между достойным майором Зарубиным и зэком Шороховым, доктором – интеллигентом Сабельниковым и его «товарищами по оружию» из штрафной

роты, славным связистом Лешкой Шестаковым и безымянными солдатами, канувшими на дно Великой реки, - все они – герои, и все они – «прокляты и убиты».

Цель его книги, как бы, сводится к тому, что бы расплатиться со всеми, кто прикоснулся к этому смраду. В уста Коли Рындина автор вкладывает фразу, доказывающую эту мысль: «... все, кто сеет на земле смуту, войны и братоубийство, будут прокляты и убиты».

Выбор темы

Выбор темы продиктован желанием изучения творчества В.П.Астафьева с точки зрения идейно-эстетического своеобразия его прозы на примере романа «Прокляты и убиты», раскрыть смысл нравственно-философской проблематики романа и его основных образов и определить место романа в конетексте творческой эволюции писателя.

Актуальность

Одним из главных вопросов, волновавших В.Астафьева было осмысление войны, войны девяностых в России. Писатель рассматривал войну как зло. Отсюда страстная критика буржуазности, отрицание капиталистических принципов: торгашества, наживы, поклонения «золотому тельцу». Война становится средством наживы.

Следует отметить, что в изучении творческой манеры В.Астафьева всегда оставался предельно актуальным вопрос о мировоззрении, мирозерцании, философии и идеологии писателя.

Степень изученности

Значимым оказался тот факт, что роман «Прокляты и убиты» занимает особое место в творчестве писателя. К настоящему времени все еще не сложился корпус научной литературы, посвященной изучению творчества В.Астафьева. Это произведение до сих пор не имеет полную и исчерпывающую исследовательскую интерпретацию и многие вопросы остаются дискуссионными.

Научная мысль с самого начала отметила своеобразие художественного целого произведений В.П.Астафьева. Внимание критиков и литературоведов сосредоточилось на общих характеристиках и свойствах поэтического мира писателя, которые выделяли его романы из общего литературного потока. Не случайно уже в работах конца XIX - начала XX века взгляд критиков обращается к рассмотрению художественного мира в целом.

Таким образом, проблема художественного целого произведений В.П.Астафьева продолжает оставаться в центре внимания ученых.

Методика и методология

Методология основана на трудах М.Бахтина, С.В.Белова. В основе методологии используются биографический и описательный методы, в рамках которых лежит изучение мировоззрения писателя, художественных принципов его произведений.

Предмет исследования - особенности прозы В.П. Астафьева 90-х годов, эволюция от лирико-философской доминанты в авторской позиции к открытому – яркому и яростному публицистическому пафосу в двух главных для писателя темах – солдат на войне и его сразу послевоенные мытарства.

Объект исследования - роман В.П. Астафьева «Прокляты и убиты».

Основная **цель** данного исследования стало изучение романа В.П.Астафьева «Прокляты и убиты», путем системного анализа его структуры, особенностей художественных деталей, примененных в ней.

В дипломной работе мы пытаемся решить три основные **задачи**:

- 1) рассмотреть идейно-эстетическое своеобразие прозы В.П. Астафьева на примере романа «Прокляты и убиты»;
- 2) раскрыть смысл нравственно-философской проблематики романа и его основных образов;

3) определить место романа в контексте творческой эволюции писателя.

Структура работы включает введение, две главы, заключение, список использованной литературы, включающий 53 наименований. Объем работы – 49 страниц.

Во **введении** формулируются цель и задачи работы, обосновывается выбор темы, её актуальность, устанавливается степень изученности, определяется методологическая база, и методы, применяемые в исследовании, а так же предмет и объект исследования.

В главе 1. «Общая характеристика творческого пути писателя» - рассказывается о творческом пути писателя. В. Астафьев совершил нелегкий путь в литературу. Это человек, литературный талант которого вырос из общения с простыми людьми, тружениками. Поэтому все герои его произведений простые люди, представители народа.

Глава 2. «Идейно-эстетические особенности прозы в. Астафьева 90-х годов» - исследуется жанрово-многосоставное произведение, «Прокляты и убиты», разрушающее все каноны изображения народа на войне.

Раздел 2.1 «Проблема выбора между патриотизмом и христианской совестью». К началу 1990-х годов взгляды писателя, его мировидение оказываются ближе всего к христианскому. Это, конечно, не ортодоксальное христианство, Астафьев по-своему, в своих художественных целях осмысляет христианскую этику: он утверждает ответственность человека и справедливость Бога: война, убийство, братоубийство – происходят по воле человека, но одновременно являются возмездием человеку за нарушения им своего высокого предназначения. Поэтому у Астафьева ад – это не то, что грешник получает после смерти, а что-то, что уже на земле ожидает и виновных, и безвинных, что предшествует смерти. Бог может «оставить» человека», людей, страну –

так в романе возникают жестокие слова о России XX века как «проклятой стране». В этой системе идей развивается в романе философия войны: ее главное губительное воздействие – воочию подступившая массовая смерть становится обычным явлением, порождает согласие с ней.

Раздел 2.2. «Основные характеры в романе». Астафьев-художник нашёл свой способ написать правдивую историю войны – через перипетии биографий своих героев. Их жизнеописания воспроизводят подлинную логику исторического развития, биографический и исторический планы повествования тесно сближены, и история в романе становится не официальной, а жизненной – «история снизу», «история с корней». Поэтому в романе «Прокляты и убиты» так много биографий – больше чем во всем предыдущем творчестве писателя, и каждая высвечивает свою грань в понимании войны. Астафьев стремится восстановить справедливость, рассказать обо всех истинных победителях в войне, писателем движет обида и гордость за каждого солдата, каждого «проклятого и убитого».

Здесь проводится анализ образов Коли Рындина, Ашота Васконяна, Алексея Щуся и других героев, особое место уделяется сложнейшей проблеме – государство–народ.

Раздел 2.3. «Идейно-художественная специфика романа». Астафьеву важно утвердить новый взгляд на Великую Отечественную войну, показать не солдата-героя, а солдата мученика. Названия двух книг романа – «Чертова яма» и «Плацдарм» – обозначают конкретное место событий, но характеризуют пространство человеческой жизни и «адские места» этого мира, в которые герои попадают. Астафьев показал страшную, грязную, «вонючую» реальность, но ведь в это время и в этом месте не могло быть по-другому.

В заключении подводятся итоги исследования, содержатся выводы вытекающие из решения поставленной проблемы.

ГЛАВА 1. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТВОРЧЕСКОГО ПУТИ ПИСАТЕЛЯ

Проза Астафьева, отливается ли она в сюжетное повествование или лирический рассказ-раздумье, - это всегда размышление о нашей жизни, о назначении человека на земле и в обществе и его нравственных устоях, о народном русском характере и о способности натур живых и деятельных прорастать через обстоятельства как бы ни были они тягостны, и выходить из испытаний, обогащаясь нравственно и сохраняя, как говорится, душу живую.

А.Н. Макаров

Виктор Петрович Астафьев родился 1 мая 1924 года в селе Овсянка близ Красноярска. Рано лишившись, матери, воспитывался в семье бабушки и дедушки, затем в детском доме.

В 1941 году поступит в железнодорожную школу ФЗО на станции Енисей, после окончания, которой работает составителем поездов в пригороде Красноярска. Оттуда осенью 1942 года ушел на фронт, был шофером, артразведчиком, связистом. Получил тяжелое решение.

В 1945 году демобилизовался. Восемнадцать лет прожил на Урале, в городе Чусовом. Работал грузчиком, слесарем, литейщиком. Одновременно учился в вечерней школе.

В 1951 году в газете «Чусовской рабочий» напечатан его рассказ «Гражданский человек». В 1953 году в Перми вышел первый сборник рассказов «До будущей весны».

В 1961 году окончил Высшие литературные курсы при Союзе писателей СССР. На сегодняшний день В. Астафьев один из самых читаемых писателей. Лауреат Государственных премий СССР и РСФСР.(4,4)

Такой нелегкий путь в литературу совершил В. Астафьев. Это человек, литературный талант которого вырос из общения с простыми людьми, тружениками. Поэтому все герои его произведений простые люди, представители народа. В. Астафьев прекрасно знает их быт, их психологию и представляет их в своих произведениях не в виде одинокой массы, а показывает их индивидуальные черты, их яркие, неповторимые характеры. Писательский облик Астафьева складывался далеко не сразу, ему самому пришлось проявить незаурядную способность прорасти через всякого рода препоны; как и другие его сверстники, ушедшие на войну чуть ли не подростками, он не был подготовлен к литературной деятельности ни достаточным учением, ни умственным воспитанием; ему понадобились годы труда, чтобы развить свой талант, что можно сделать лишь благодаря воле и настойчивости, да, разумеется, и тем условиям жизни, при которых приметить талант и поддержать его при первых же неуверенных шагах становится своего рода законом.

В часы ночного дежурства он написал свой первый рассказ «Гражданский человек». «Гражданский человек» мало чем отличался от десятков газетных рассказов о подвиге связиста, который, и будучи ранен, соединит провод. Все завершает утешительный конец: однополчане получают письмо от выздоравливающего героя. Лет через шесть Астафьев вернется к своему первенцу, и лишь тогда обретет образной плотью сухой косяк фраз, и вдохнет писатель душу в своего Матвея Савинцева, восстановит рукописный вариант – не выздоравливать в госпитале пошлет его, а правдиво изобразит, как тяжело и мужественно умирал на поле боя русский человек, и в последнюю минуту думал, как бы посмягчить горе близких, чем бы утешить их. И назовет рассказ «Сибиряк» (5,26).

Первым же действительно значимым произведением, которое представило Астафьевой широкой читательской аудитории, стала повесть «Перевал». Повесть «Перевал» появилась в 1959 году в журнале «Урал»(6, 43-104). Это произведение, по мнению критиков, свидетельствует о рождении писателя, способного силой памяти воскрешать живые образы людей и окружавшей их действительности.(34,272)

В удаче «Перевала», где впервые так вкусно и свежо, незамутненно звучит голос Астафьева, немалую роль играет то, что автор писал о том, о чем не мог не писать и о чем уже мог написать; чувствовалось, что здесь он в своей струе жизни и в той языковой струе, какую можно эту жизнь выразить. Заглавие повести символично не только для судьбы ее героя, но и как бы для автора, взявшего, он открыл для себя и в себе мир, способный стать источником художественного вдохновения. С этой первой вершины внутреннему взору художника открывается обычно то невообразимое, манящее поле, которое ему надлежит обрабатывать, обещающее урожаи столь тучные, что на то, чтобы все до последнего снопа сжать, бывает, жизни не хватает. Однажды Виктора спросили: «Как возникают сюжеты Ваших произведений – случайно, или Вы их ищите в жизни?». Астафьев написал: «Сюжет – не грибы, и искать его для меня, например, дело бесполезное. Чаще всего сюжет, если так можно выразиться, сам меня находит... Мои сюжеты, чаще всего, приходят из воспоминаний, то есть из тех времен, когда я писателем не был и не знал, что им буду, а, следовательно, и «сюжетов» искать я не мог».

Для художника сюжет только средство выражения своего представления о жизни, отношения к явлениям действительности и оценки их, для воплощения в образах его взглядов, утверждений, идей. «Перевалом» в литературу вошел писатель, который знает, что он хочет и должен сказать людям. После этого произведения было много других не менее замечательных (произведений) повестей и рассказов. В 1959 г. в альманахе

«Прикамье» выходит повесть «Стародуб» (10,3-35). Страстно и живописно, на взлете поэтического чувства, но и хаотично, противоречиво, философски смутно выплеснул в этой повести свои идеи и замыслы автор. Пронзающее сердце мироощущение человека, который хлебнул немало лиха, крутая обжигающая, как кипяток, солдатская ненависть к социальному злу, вера в способность стойких душ к сопротивлению, в необычную возвышающую силу любви, в целительное и облагораживающее влияние природы, вернее, слияния с ней, и проистекающая из этого непримиримость к тем, кто корыстно губит ее, - все то, что станет впоследствии содержанием его творчества, выразилось здесь в этом повествовании, к которому больше подошло бы определение «бывальщина», - вид в нашей литературе давно отсутствующий. «Бывальщина» - рассказ, где сугубо реалистические черты прошлого и характеры людей обретают как бы таинственность, резкий отличительный колорит, являя собой крайнее выражение личных свойств характера, - будь то удаль, спесь, любоначалие или самоотвержение.

Именно богатый жизненный опыт позволил Астафьеву написать произведения, так реалистично изображающие нашу повседневную и праздничную жизнь, так глубоко и многосторонне изучить характер русского народа.

За «Стародубом» в разное время шел еще целый ряд замечательных повестей и рассказов. Эти произведения являются «корнями» художника. В них воплотились его эстетические взгляды и воззрения. В них нашла выражение его яркая неординарная личность. Это такие произведения, как «Кража» (7,21-85), «Пастух и пастушка»(8,2-70). Именно на их почве посеяны зерна, и взошли ростки произведений последних лет. Эти произведения – первый шаг к творческой зрелости писателя. Резцы для огранки его творческого «я». В этих произведениях быт выражает те общечеловеческие ценности, к которым стремится все человеческое сообщество независимо от цвета кожи и политических утверждений. От этих

произведений идет четкий неизгладимый след к произведениям более позднего периода. Самым значительным из них, на мой личный взгляд, является произведение «Печатный детектив» (9,8-74).

После прочтения этого романа в душе остается тяжелый, неперевариваемый душой осадок, который не забыть и не вытравить читателю, прочитавшему роман, может показаться, что написать роман, похожий на астафьевский, довольно просто. И это действительно так, принцип «стержня», на который нанизываются отдельные эпизоды, не нов в литературе. Казалось бы, выписывай современную «свободную прессу», читай регулярно судебные очерки. Выдумай стержневидный сюжет и нанизывай на него страшные истории.

Да, написать роман, «похожий» на астафьевский, довольно просто, но «похожий» - это не значит вовсе «такой же», а вот «такой же» написать невозможно. Поначалу кажется, что центральным действием является незамысловатая жизнь бывшего милицейского работника Леонида Сошнина, на самом же деле «стержень» в романе – это авторское устойчивое настроение, которое формировалось самой жизнью, насквозь прожгло его судьбу и затем вновь ушло в самую жизнь. Поэтому-то написать «такой же» роман невозможно, ибо для этого нужно было предварительно выстрадать и «Последний поклон», и «Кражу», и «Пастуха и пастушку»...

«Печальный детектив» не продолжение этих произведений, а развитие того устойчивого настроения, которое когда-то и сделало Виктора Астафьева писателем, казалось бы, вопреки складывающейся судьбе. Может быть, кому-то и покажется, что роман «Печальный детектив» слишком жесток, а автор равнодушен к чужому горю и к чужим бедам: с калейдоскопической быстротой рушатся семьи, бросают детей, совершаются всякие, в том числе и тяжелые, преступления, а автор вроде бы остается спокоен.

Неужели тем же автором писались лирическо-проникновенные «Последний поклон» и «Пастух и пастушка»? Но вспомните: уже и тогда он говорит самую страшную правду просто и обыденно.

Как говорится, нельзя дважды войти в одну и ту же реку, точно так же нельзя встретиться с одним и тем же человеком. Река постоянно наполняется одной и той же водой, а человек – новыми чувствами, новыми мыслями, новыми сомнениями.

В повести «Кража» В. Астафьев заметит, что детское горе отчетливо. Писательское детство не совпадает с детством физиологическим, оно приходится на более позднюю пору. В писательском «детстве» горе тоже отчетливо. За плечами автора «Последнего поклона» уже стояло весьма нерадостное прошлое: сиротство, беспризорность, детдомовщина, фронт, ранения, неустроенная послевоенная жизнь... Потянуло Астафьева к перу, к чистому листу бумаги, и вдруг озарилась вся прежняя жизнь каким-то светом, идущим из нерасторможенной, как оказалось, души. Пишутся заметки, очерки, первые рассказы... И появляется, опровергая неумолимость быстротекущего времени, образ незабвенной бабушки Катерины. Есть и в «Печальном детективе» образы, на которых лежит печать глубокой авторской симпатии, но все-таки никого из них нельзя сравнить по неизбывной душевной щедрости с бабушкой Катериной...

Необходимо подойти к литературному произведению не от литературы, от нашей обыденной повседневности.

Умная природа заложила в нас вечный инстинкт взаимоотношения людей разных полов, а детство и затем взросление человека тянется так долго, что невольно для продолжения рода человеческого необходима как естественная среда обитания – семья. И в конце своего «Печального детектива» впрямую выходит на эту, видимо, по причине своей простоты, так часто забываемую мысль: «Муж и жена... Муж с женою. Женщина с мужчиной, совершенно не зависящие друг от друга, не недоверяющие

даже о существовании живых пылинок, вращающихся вместе с Землею вокруг своей оси в непостижимо громадном пространстве мироздания, соединились, чтоб стать родней родни, пережить родителей, самим испытать родительскую долю, продолжая себя и их».

Возможно, иных смутит то обстоятельство, что Виктор Астафьев, всегда отличавшийся особой чувствительностью к женщине, на сей раз изменил себе и сатирически изобразил некую деятельницу от культурного фронта Октябрину Сыроквасову и нескрываемо натуралистически-местную алкоголичку «Урну». Нет, писатель ничуть не изменит себе. Вспомним хотя бы проходные персонажи из его давней повести «Кража» - инспектора гороно Ненилу Хлобыст и завгороно Голикову, о которых другой персонаж повести, Ступинский, думает так: «Если этим дамочкам власть да волю, они устроят смех да горе». Думается, в отношении смеха тут высказан был излишний оптимизм.

В «Печальном детективе» В. Астафьев вновь возвращается к этому опасному в современном мире типу женщин, стремящихся непременно уподобиться мужчинам. Мы довольно часто и не всегда обдуманно ратуем за управление женщины с мужчиной, видя в этом непреходящий процесс общественного развития, забывая, что мужчина далеко не в каждом случае являет собою идеальную человеческую личность. «Урна» как раз и уподобилась вполне реальному типу мужчин, который в женской интерпретации еще более ужасен и отвратителен.

Издательский работник Сыроквасова, как и «Урна», напрочь заглушила в себе все женское, она вся ушла в видимость работы (тоже своего рода алкоголизм), полагая, будто двигает культуру, хотя на самом деле только профанировала ее. Чем-то напоминает ее и теща Сашнина, женщина энергичная, напористая, всю жизнь провыступавшая и тоже, двигавшая какой-то прогресс. Работа часто требует одной лишь профессиональной увлеченности, семья требует, прежде всего, души. В своем финальном

публицистическом отступлении В. Астафьев продолжает развивать главную мысль романа: «От родителей – то они были переданы друг дружке всяк со своей жизнью, привычками и характером – и вот из неравного сырья нужно слепить, ячейку во многовековом здании под названием семья, как бы вновь на свет народиться... пройти вместе до могилы, оторвать себя друг от дружки с никому неведомым горем и страданием».

Обратите внимание. Во всем пространном отступлении только два слова автор написал с прописной буквы; «Земля» и «Семья». Земля – это наш всеобщий человеческий долг, где каждый находит свое начало и свой конец, вне этого дома нет нас и быть не может, а что вне его, то лежит вне нашего разума и вне нашей памяти. Семья – начало человеческого общежития, народа, государства и всего человечества в целом. В подсознании семьи лежит природный инстинкт, в сознании – духовные связи.

Мы сейчас много говорим о сознании всевозможных структур, однако нас одновременно не должно тянуть к расструктурированию главнейших естественных структур. Как много губительной энергии выделяется при расщеплении атома, но нас здесь почему-то не останавливают никакие опасности. При расщеплении семьи тоже выявляется громадное количество дурной энергии, которая сходна по своему действию с радиацией в непредсказуемости последствий и их учетом. А что мы делаем для укрепления семьи?...

Ведь не для того привел В. Астафьев в своем романе различные жуткие эпизоды, чтобы попугать читателя, а чтобы задуматься о причинах вроде бы немотивированного озверения некоторых людей в условиях мирной жизни. От чего эта ненависть к себе по-новому? А оттого, что не была воспитана любовь к нему.

Человечество уже приготовило себе погибель извне, ядерная катастрофа способна уничтожить наш общий дом – Землю, и вопрос: «Быть или не быть?» - приобретает уже вселенский характер, но человечество

подстерегает опасность и с другой стороны, изнутри. Саморазложение семьи ведет к истончению и полному отмиранию человеческих связей, без них каждый в каждом станет видеть лишь врага, природный инстинкт самосохранения возьмет верх над коллективным разумом, человечество превратится в дикую массу, где каждый найдет свою неотвратимую гибель.

«Династии, общества, империи», - заключает свое отступление автор «Печального детектива», - не создавшие семьи или поручившие ее устои, начинали хвалиться достигнутым прогрессом, бряцать оружием; в династиях, империях, обществах вместе с развалом семьи разваливалось согласие, зло начинало одолевать добро, земля разверзлась под ногами, чтобы поглотить сброд, уже безо всяких на то оснований, именующих себя людьми. Человек вырвался в космос, а вы все толкуете о какой-то семье, вспоминаете древние времена...». Вот это-то и пугает автора; центробежные силы получили в наш век такое развитие, что в любой момент и все человечество может «вырваться» в космос. Причем навсегда. И это, к сожалению, не фантазия, а та вполне реальная перспектива, о которой нам напоминает каждый день.

Человек непременно связан с другими духовными связями, они-то и составляют истинное содержание человеческой жизни.

Оборванные связи продолжают жить болью, с годами боль накапливается, поэтому с годами мы и говорим о боли души как о реальной боли. Вот с этой реальной болью и писался «Печальный детектив». Роман создан на сугубо бытовом материале, но это не бытовой роман; авторское устойчивое настроение сфокусировало многие подробности жизни в прожигающий луч, он-то так больно и жжет наши чувства и разум... некоторые упрекают Астафьева в том, что он не очень-то уважительно в своем новом романе отзывается о русском характере. Что ж, если самокритика обеспечена глубокой и выстраданной личной болью, а самозащита - одной лишь амбициозностью, то я лично за самокритику. Если

же усмотреть в романе выпад против интеллигенции или против собственного народа, тогда можно не только понять, но и разделить обиду части читателей. Если же роман «Печальный детектив» рассматривать как обращение ко всему народу, как национальную самокритику – то писатель прав. На это Виктор Астафьев имеет моральное право, ибо он относится к категории тех наших художников, которые, не пережив поста, не станут праздновать Пасху.

В финале романа «Печальный детектив» В. Астафьев усаживает своего героя к чистому листу бумаги, как бы благословляя его на тяжелый писательский труд. Тема преемственности живого народного слова издавна не давала покоя писателю Виктору Астафьеву, отчетливо она прозвучала еще в рассказе «Ясным ли днем» (пусть речь там шла не о писательстве, а о песне), сегодня эта тема звучит в произведениях В. Астафьева и более открыто и более тревожно.

На протяжении многих лет Виктор Астафьев в своих произведениях ставил самые животрепещущие проблемы, разрешения, которых он сознательно не дает, заставляет читателя самого задуматься над решением этих проблем. Он задумывается над истоками появления человеческой жестокости, которая стала настоящей язвой нашего общества, над социальной неустроенностью, над таким загадочным и неповторимым феноменом – «русским характером». Во всем его творчестве, и раннем и в произведениях последних лет, большая вера в человека, в его нравственную силу. В своих повестях и рассказах автором были затронуты те нравственные проблемы, которые всегда будут волновать человечество. Он задолго до перестройки и гласности сумел смело выразить свою позицию в отношении негативных сторон нашей жизни. Его герои – это люди с периферии, психологию этих он познавал в прямом общении с простыми людьми, благодаря которым еще не разрушилось государство. В. Астафьев в своем творчестве гуманистичен, он любит человека, и пытается своими

произведениями улучшить жизнь, сделать нас чуть добрее друг к другу, чуть внимательнее к другим людям, их бедам и радостям, прислушаться к их проблемам.

Ах, война, война.... Болеть нам ею – не переболеть, вспоминать её – не перевспоминать!

В.П. Астафьев

ГЛАВА 2. ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЗЫ В. АСТАФЬЕВА 90-Х ГОДОВ

2.1 ПРОБЛЕМА ВЫБОРА МЕЖДУ ПАТРИОТИЗМОМ И ХРИСТИАНСКОЙ СОВЕСТЬЮ

В соответствии с христианской традицией ставится вопрос о наказании Божиим русских людей советского периода. В этом романе впервые художественно рассматривается проблема, не загромождаемая военными поражениями и удачами советского оружия. Ведь Россия впервые вела отечественную войну, не являясь христианским государством. «Не православный крест, а сатанинская звезда была нашим официальным путеводным знаком в этой войне Красные знамена, и комиссары вели нас в бой, а также та самая партия, которая сокрушила перед этим христианскую Россию?»(18,224).

Понимает это малограмотный солдат, старается выкарабкаться из этой «чертовой ямы», но еще очень глубок омут. «Смерть мне гадская от Бога назначена, оттого, что комсомольчиком плевал я в лик его, иконы в костер бросал, кресты с Перхурьевской церкви веревкой сдергивал, золоту справу в центры отправлял.... Вот она, позолота, святая, русская на погоны пошла, нехристей украсила», - признается дед Финифатьев Лехе Булдакову, предрекая свою ужасную смерть: смерть от Бога, который так и не смог его простить. «Прощения прошу у ево (Бога) день и ночь прошу, но он меня не слышит».

Немецкий фашизм к началу войны для большей части населения был просто пугалом. Образ врага, создаваемый младшим лейтенантом Щусем, не находит никакого отклика у старообрядца Кольки Рындина. «...Товарищ боец! Перед тобой враг, фашист, понятно? ... Если ты его не убьешь, он убьет тебя». Коля же никак не может понять в себе злобы: «На все воля Божья». И не только он один думает так, считая немца таким же человеком. Астафьев и иронизирует по этому поводу над всем русским народом («Русские отчего-то очень любят дураков, жалостливо к ним относятся, сами дураки, что ли?») и в тоже время восхищается «отходчивым народишком», который сумеет и обогреть и отдать последнее («Заполз Лемке с отмороженными ногами на тусклый огонек в крестьянскую землю, в обобранную войной избушку, старая русская женщина, ругаясь, тыча в его запавший затылок костлявым кулаком, отмывала оккупанта теплой водой, смазывала руки его и ноги гусиным салом, перевязывала чистыми тряпицами и проводила в дорогу, сделав из полки подобие костыля, перекрестив его вослед»).

Теплится еще в сердцевине человека христианская мораль. Но карает Бог «невиданной карой», истребляя российский менталитетный дух и превращая «скопища людей» в «скотину», «животных», заживо лишаемых христианской души.

Роман организован вокруг проблемы: разлада между патриотизмом и христианской совестью. «Противоположность военного дома перед государством, солдатской чести и христианского мировидения – реальность этого художественного мира. Если советский суд противоположен Божьему суду как заведомо неправедный («...суд здесь не Божий, а советский»), значит, защищать антихристианское государство (то есть советских учителей, советских врачей и так далее) в определенном – страшном – смысле означает поступать против своей христианской совести»(18,224). Может быть, поэтому у героев Астафьева в большинстве случаев отсутствует

патриотическое воодушевление? Ведь люди из сибирской глубинки едут защищать совершенно чужое им государство, с чуждыми для них ценностями.

Родина и «Бог небесный» накануне самой страшной войны в российской истории оказались враждебны друг другу. Бог мешает воевать «за Родину» Коле Рындиному, ведь именно на советской Родине его «отменили», выгнали, оплевали». Глушение над Христом стало опорой нового патриотизма, отвергающего веру, царя и отечество. В солдатских массах становится распространенной советская прибаутка: «Бога нет, царя не надо, мы на кочке проживем».

Но тяжело и болезненно входила революционная идея в традиционные сознания. Об этом свидетельствуют напутствия родных перед отправкой на фронт солдат: «...усталые женщины ... что-то привычное наказывали, говорили то, что век и два века назад говорили уходящим, на битву людям ... крестя украдкой служивого, взнося молчаливую молитву Богу, вновь в сердце вернувшемуся...». Старшина Шпатор тоже не потерял традиционного мировоззрения: «Простите меня, дети, простите! ... Не уносите с собою зла. ... С Богом!». Сильно боялся старшина, что советское перевоспитание душу живую убьет, погасит в ней «быдловое существование», свет добра, справедливости, достоинства, «уважения к ближнему своему, к тому, что было, есть в человеке от матери, от отца, от дома родного, от родины, России, наконец, заложено, предано, наследством завещано?».

Такая стойкость хоть и малой части народа дает возможность возвращения Бога, преодоления разрыва между традиционным русским патриотизмом и христианской совестью, «дарует надежду, что дикий огонь, зажженный провозгласителями передовых идей, возможно-таки «погасить» (18,237).

2.2. ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРЫ В РОМАНЕ

Перейдем непосредственно к рассмотрению сюжета романа и основных образов книги.

В. Астафьев любит своих главных героев. Так он проводит через все повествование книги Колю Рындина, всячески обыгрывая габариты, аппетит, а главное, неистребимое добросердечие своего героя, безотказное и бескорыстное трудолюбие и верность товариществу, неизбывную силу. Вот, например, Коля сладко всхрапнул на политзанятиях, убаюканный блудословием замполита Мельникова: «Своды карантина огласил рокот – не иначе как камнепад начался над казармой, кирпичная труба рассыпалась и рухнула, покатила по тесовой крыше».

Вот он вместе с нашим знакомцем – таким же долговязым Лехой Булдаковым – тщетно пытается натянуть на себя опасно трещащее обмундирование: «едва напялили на озябшее сырое тело... белье, гимнастерки, штаны же натянуть не смогли, шинели до колен, рукава едва достигали локтей, на груди и на брюхе не сходились... насунули в ботинки до половины ноги, ходили на снятых задниках, отчего сделались еще выше. Еще нелепей, да и стоять не смогли – шатало».

«Дома, в Верхней Кужебаре, Коля Рындин утром съедал каравай хлеба, чугунок картошки или горшок каши с маслом, запивал все это кринкой молока. За обедом он опоражничал горшок щей, сковородку драчены на сметане или картошки с мясом либо жаровню с рыбой и на верхосытку уворачивал чугунок паренок из брюквы, свеклы или моркови, заливал все это крепкое питание ковшом хлебного кваса либо опять же простоквашей. На ужин и вовсе была пища обильной: капуста, грибы соленые, рыба жареная или отварная, поверху квас, когда и пиво из ржаного сусла, кулага из калины...».

Несгибаемая стойкость веры Коли Рындина – нравственное противостояние разгулу коммунистической бесовщины.

И, умножая Колины достоинства, писатель открывает нам еще одно, о котором не подозревал до прибытия в совхоз и сам могучий чалдон, пока не положила на него глаз разбитная Анька-повариха, залучившая молодца себе на постой.

«Знает только ночь глубокая-а-а, как поладили они, р-раступись ты, рожь высокая, та-айну, свя-то сохра-ани-ы-ы», - пел теперь на всю деревню Осипово народ, потому что Анька-повариха убыстрила ход, нарядная, бегала к ребенку в кухню и от ребенка из кухни, громко на все село хохотала, но главное достижение было в том, что качество блюд улучшилось, кормежка доведена была до такой калории, что даже самые застенчивые парни на девок начали поглядывать тенденциозно.

- Спасибо тебе, Коля, дорогой, порадел! – вставая из-за столов, накрытых чистыми клеенками, кланялись Коле Рындину сыто порыгивающие работники.

- Да мне-то за что? – недоумевал Коля Рындин, но, разгадав тонкий намек, самодовольно реготал. – У-у, фулюганы!»

«Испытание молодых людей казармой» - так определяет главный сюжет книг Игорь Дедков, который с нетерпением встретил астафьевское произведение. В 21-й запасной пехотный полк (номер и дислокация части подлинные) по воле автора вместе с очередным пополнением (призывники 1924 года рождения) прибывает и читатель, а потом вместе с ними, уже во 2-ой книге, отправляется на фронт. У читателя и у критиков остаются яркие, будоражащие впечатления после всех испытаний, выпавших на голову восемнадцатилетних юнцов. Критики (Л. Анненский, А. Немзер) восприняли изображаемое как «лагерь», «лагерный ад», «преисподнюю», «первозданную пещеру», как проступающий «мрачный опыт ГУЛАГа». («За что на нас война? Где причина? За какой грех пришло это возмездие? Что же такое с людьми, с их природой, с их душой?... Что за порча окаянная уводит народ с пути?» (Л. Аннинский «Литературная газета» от 3 марта 1993 года).

Доброжелательное астафьевское веселье, вдохновляемое фигурой и прохождением Коли, достигает в этом эпизоде своей кульминации. Здесь хохочут с писателем все, связанные с Колей, персонажи. Да и сам Коля, как мы видим, не может удержаться от самодовольного «реготанья». Мы тоже совсем уж готовы присоединиться к этой развеселой компании. Однако в последний момент спохватываемся: батюшки, а как же бабушка-то Секлетинья? Как отнесется она к столь непотребному поведению своего питомца? Ведь в глазах любого истого старовера, Коля в этой ситуации самый подлинный блудодей и греховодник, как и его невенчанная совратительница!... Неужто наш усердный молитвенник начисто позабыл о божьих заповедях под властью немудреных Анькиных чар?...

Конечно, Астафьеву виднее. Тем паче, что он, как мы уже однажды сказали, стремиться быть верными натуре. Но заноза возникающего сомнения в данном случае все же дает себя знать. Особенно имея в виду самую главную черту Колиного характера, неизмеримо и безусловно превосходящую все прочие.

Совершенно необычен и даже неожидан в «астафьевской галерее» персонаж Ашота Васконяня. Вс. Сурганов утверждает, что есть даже основание полагать, что перед нами воссоздана фигура совершенно реального человека, который в ту далекую новобранческую зиму стал чем-то очень близок и дорог Астафьеву, памятно поразил его воображение. В известной мере это подтверждается тем, что в отличие от прочих героев романа. Васконяня наделен точными «анкетными» ориентирами: отец его перед войной был в Калининне главным редактором областной газеты, мать же работала заместителем заведующего отделом культуры в тамошнем облисполкоме. Кстати, с нею Астафьев дает нам возможность познакомиться в эпизоде ее приезда к сыну во время уже упомянутой зимней «уборочной» страды» (35,2-10).

Эта встреча проникнута интонациями, исполненными подрастающей печали. Похоже, что и мать и сын понимают, что в этом мире им больше не дано, и автор не пытается уверить нас в обратном. Вместе с тем самая возможность подобного свидания, совершенно недоступная для других призывников, убеждает нас, что Васконяны – привилегированная, или, как бы мы сказали сегодня, «номенклатурная» семья. Мальчика возили в школу на машине, по утрам он пил кофе со сливками, еду ему готовила домработница, которая была для него и нянькой и мамкой, поскольку родителям было недосуг с ним возиться. Однажды Васконян с характерной для него милой картавостью, даже сообщил новым товарищам, что у них, Васконянов, была в областном театре отдельная «ожа» (то есть ложа). «Парни-простофили» долго не могли допереть, что это такое», прокомментировал автор эту и впрямь впечатляющую деталь васконяновского житья.

Таким образом, Васконян в глазах обитателей казармы – барачных и деревенских жителей, – несомненный чужак, выходец из иной социальной и культурной среды, резко отличной и даже подсознательно им враждебной. Ко всему прочему, он еще и чужак по национальному признаку: отец – еврей, мать – армянка. И, разумеется, Астафьев совершенно прав, утверждая, что, в силу всех названных причин, Васконян скорее всего был бы смят и уничтожен за одну, от силы, за две недели...

Но случилось как раз обратное. К этому долговязому, худому, доверчивому чудаку – грамотею и разумнику, по уверению писателя, «прониклись почтением имеющий тягу к просветительству Бугдаков и, как и все детдомовцы, сострадающие всякому сироте, тем более обиженному. Бабенко, Фефелов и вся их компания. Они не давали забивать Васконяна.

(«Кто плачет, кто мучается, кто умирает в этом тяжелом тумане?... А что, если вся страна наша чертова яма?») (А. Нелуер «Сегодня» от 2 марта 1993 г.).

И в самом деле – место это адково: «равнодушно-злые люди», выгоняющие новобранцев из вагонов, «хриплый ор», «безвестность», «вселенский вой иль стон», «жуткий вой», исторгаемый «не по своей воле и охоте» тупо шагающими людскими колоннами. Удивительно ли, что «покорность судьбе» тотчас овладела Лешкой Шестаковым, ввергнутым в этот кошмар мобилизацией, и душу его немедля «посетило то, что должно поселиться в кармане и тюрьме, - всякое согласие со всем происходящим». Автор далее постоянно сравнивает два таких разных, но здесь таких одинаковых общественных местах: тюрьма и казарма. Ведь даже для Лешки слово «казарма» не пугающее, не тревожное, а презренное». «Здесь все сурово, все на уровне современной пещеры, следовательно, и пещерной жизни, пещерного быта... Лешка отметил про себя: «Будто в берлоге», но смятения не испытал, только тупая покорность... угнетала и поверх этого томили еще два желания – хотелось до ветру и поесть». Поэтому автор своей художественной силой преобразует эту казарму в дьявольское, адское: убогие, полуврытые в землю, «что ни пламя, ни проклятье земное, ни силы небесные не брали эти подвалы», «лишь время было для них губительно – созревал они покорно оседали в песчаную почву со всем своим скудным скарбом, с копошащимся в них народом, точно зловещие гробы обреченно погружались в бездонные пучины». К этой сумрачной картине – закопченное жердье нар, белеющее на торцах «костями», как бы уже побывавшими в могиле», с выступавшей на них серой. Автор не забывает о своей литературой цели, - о самом правдивом романе о войне, но главным пока для него остается первоначальная реальность, пахнувшая серой, «гнилью, прахом и острой молодой мочой». «Ивовые маты кишели клопами и вшами ... маты изломались, остро, будто ножки, протыкали тело, солдатики, обрушив их, спали в песке, в пыли, не раздеваясь. В нескольких казармах рухнули потоками, сколько там задавило солдат – никто так и не потрудился

учесть.... Случалось, что мертвые красноармейцы неделями лежали в полуобвалившихся землянках и на них получали пойки живые люди».

Казарма с ее порядками столь отвратительна, что «Аннинский с Нелцером опять дружно отметили авторскую ремарку: на месте расположения 21-го полка ныне плещется рукотворное Обское море. И плещется неспроста: сама материальная память о «чертовой яме» смыта с лица земли (не Божий ли промысел?). Но, с другой стороны, позволительно ли, чтобы все было смыто и забыто, и дамы и Академгородка нежились на пляже, не подозревая, что где-то здесь когда-то «доходили до ручки» молодые сибирские ребята, и лишь обские воды скрыли на век безобразные следы их тягот и страданий?»(14,187).

Если же автор отправляет своих героев-новобранцев на сельхозработы и смягчает свой обвинительный тон («веселые вояки», «не менее веселые девчата»), то дает им душевное затишье. Впереди их поджидало адское местечко совсем другого рода, и совсем другой «вселенский вой». А пока в деревне Осипово: «воля вольная! Разлился солдатский строй, разбрелся.... Шли кто как, кто с кем, - в обнимку с зазнобами. До комбайна дошли, замедлили шаг, останавливаться начали, поглядывая на кучи соломы».

Итак, В.П. Астафьев начинает рассказ о войне, с месяцев, предшествующих отправке новобранцев на фронт. Постоянными отступлениями в прошлое своих героев он раскрывает и обосновывает главное свойство существования людей в стране, пережившей 17 год, гражданскую войну, коллективизацию, политические репрессии.

Солдаты напоминают «несчастливых арестантов из дореволюционных времен» или бродяг. Они обезличиваются ужасным бытом, превращающимся в пылинку в «сером, густом облаке пыли». Они, оторванные от дома и сбитые в кучу, в стадо, помещенные в холодное и грязное помещение, вскоре становятся ко всему равнодушными, кроме еды и сна. Теперь эта «сгорбленные старички с потухшими глазами, хрипящим от простуды

дыханием». («Ребята – вчерашние школьники, зеленые кавалеры и работники – еще не понимали, что в казарме жизнь как таковая обезличивается: человек, выполняющий обезличенные обязанности, делающий обезличенный, почти не имеющий смысла и пользы труд, сам становится безликим, таким истуканом, давно и незамысловато кем-то вылепленным, и жизнь его превращается в серую пылинку, вращающуюся в таком же сером, густом облаке пыли»). Даже великаны, вроде Коли Рындина, стали «ближе к небу, чем к земле». «Коля Рындин начал опадать с лица, кирпичная каленость сошла с его квадратного загривка, стекла к щекам, но и на щеках румянец объявлялся все реже и реже, разве что во время работы на морозе. Брюхо опало..., руки вроде бы удлинились, кость круче выступала на лице, в глазах все явственнее сквозила тоска».

Но и до войны «жизнь этих людей в большинстве была убога, унижительна, нища, состояла из стояния в очередях, получения пайков, талонов да еще из борьбы за урожай, который тут же изымался в пользу общества».

«Крестьянская пагубная Россия встает в горьком этом реквиеме страшный огонь, пожар войны высветил то, что сделали со страной, с людьми предшествующие поколения десятилетий с каждой главой, с каждой страницей вплетаются в повествование судьбы спецпереселенцев, которых лишили «места своего на земле», детей и жен и в которых всеобщая «тупая машина» власти уничтожала «неистребимую тягу к земле, ко крестьянскому двору, к труду, имеющему смысл»(23,19).

Некоторые из новобранцев – это дети «врагов народа», которые нынче пригодны умереть вместо тех, кто арестовывал, судил и расстреливал их отцов и матерей. «Леве Скорику объяснено было, что в месте энкавэдэ просочились народа, но они понесли суровое наказание за совершенную акцию против кадрового работника вооруженных сил Скорика Соломона Львовича, приносят извинения его сыну. Если он желает, пусть вернет себе

прежнюю фамилию, отцовскую, и, как все юноши–патриоты, ... может поступать куда угодно, желательно, в училище особого свойства, где нужны такие умные и грамотные парни». Пройдут годы, и, как пишет Астафьев, благословляемая властями «шушеваль» «окрестит себя со временем в самых резвых вояк, в самых справедливых на свете благодетелей, ототрут они локтями в конец очередей, а то и вовсе из очереди выгонят, оберут, объедят доподлинных страдальцев-фронтовиков».

Погубив отцов и матерей, товарищи из военкоматов, партийных и других военных контор сразу же запомнили, что это дети «смертельной конторы», и гребли всех подряд, отодвигаясь «от горячего на такое расстояние, чтобы самих не пекло».

Перед нами цепочкой выстраиваются абсолютно разные образы, объединенные одним местом действия – войной: сбитые с толку, обманутые солдатики; племя демагогов и бездельников, трубивших славу современному советскому режиму; невежественное армейское командование, не понимавшее, что «времена Павла давно минули... То, что годилось для прошлой войны или даже для войны с Наполеоном, следовало отменить, переустроить, упростить, да не упрощать же до полного абсурда, до убогости, нищеты, до полной безнравственности».

В романе есть трагическая ирония, которая спокойно объединяет плакатные слова «о светлом будущем» и кусок хлеба, тюремный быт. Потом эта ирония перерастает в трагическую скорбь и гнев, рождаемые зрелищем поруганной страны. Например, рассказ о Тоцких лагерях, откуда все «резервисты, способные стоять в строю, держать оружие, были отправлены на фронт – раз они не умерли в таких условиях, значит, еще годились умирать в окопах». Или в зарисовке о тыловом командире, показывающему, что «сердцем и телом, распирающем форменную одежду, он там, в сражающихся рядах, как на плакатах, - впереди их, с обнаженной саблей в одной руке и со знаменем в другой». Но ни разу Астафьев не спустился до

грязной пародии, хотя пропагандистская беседа капитана Мельникова о «победоносной» войне, близка к этому. «Слова Мельникова – не его собственные слова, казенные слова, засаленные, пустопорожние, в уставе и газетах вычитанные, - не достигали сознания красноармейцев». Читая свои бесполезные лекции и показывая указкой на политическую карту мира, привычно «молотя наклепанным языком», он спешил охватить все отросли знаний, забывая, что один человек не может знать всего:

- А, Буэнос-Айгес, между прочим, не в Афгике находится. Буэнос-Айгес – столица Аргентины. Аргентина всегда находилась в Южной Америке, - замечал мимоходом на первых политзанятиях всезнающий Васконян.

Удержался автор и от злых карикатур, хотя выпады против основоположников государства вечной «борьбы» беспощадны и безжалостны.

Этот слог о жуткой реальности порой подводит нас к тому, что жить уже невозможно. Как вынести рассказ о смерти больного солдата Попцова, забитого жестоким офицером. Не забыть этого видения «округляющихся глаз, в которых замерзли остановившиеся слезы». Сколько печали в размышлении, что и над казармой, и над родной деревней «те же звезды, та же луна светит, но жизнь совершенно другая и по-другому идет». «Попцов перестал мычать, с детской беззащитностью тонко вскрикнул: «Ай-ай!» - начал странно распрямляться, опрокидываясь на спину, руки его сами собой высунулись из рукавов шинели, раскинулись, спонтанные каблуки скоблили снег, ноги, костляво обнажавшиеся выше раструбов ботинок, мелко дрожали, пощелкивали щиколотками. Вся подростковая фигура разом обнажилась, сделалось видно грязную шею, просторно торчащую из воротника, на ней совсем черные толстые жилы, губы и лицо в коросте, округляющиеся глаза, в которых замерзли остановившиеся слезы, делались все прозрачнее. С мученическим облегчением Попцов сделал короткий выдох и отвернулся ото всех, зарывшись носом в песок со снегом».

Эпизод расстрела, а по сути дела, убийства, братьев Снегиревых, Снегирей – один из самых пронзительных в романе. Буквально все персонажи (кроме Володи Ямкина, отведавшего уже «советского правосудия») ведет в помилованье братьев, которые были виноваты только в том, что отлучились ненадолго к матери, живущей не очень далеко от казармы:

- Корова отелилась, мамка пишет: «Были бы вот дома, мамочка бы с новоселья напоила, а так, что живу, что нет, плачу по отце, да об вас, горемышных...».

Пришли они через четыре дня, с гостинцами для товарищей, не ожидая того, что их ждет военный суд. И не понимают эти мальчишки с «тлелым» цветом кожи: за что «такая бесстрашная сила на двух мальчишек!», потому их относит «от этого берега, и ни весла, ни шеста, ни потеси нет, чтоб грестись к людной земле, и никто, никто руки не протягивает, «Да что ж это такое? Мы же все свои, мы же наши, мы же...».

«Это общее ожидание помилования («там в высоких, строгих инстанциях поймут... писали... деревенские люди, газет не читающие, никаких приказов не знающие. Может проникнутся» - надеялся Щусь) – инерция христианского мышления, когда приговоренные – «мальчишки... братья... по Боговы завету». Однако категория новозаветного братства способна разрушить двухчастную структуру тоталитарного социума, отменяющего «милость» и возвращающегося к закону, принципиально отвергающему всякое христианское милосердие в пределах советского правосудия». Именно поэтому расстрел Снегиревых образцово-показательно восполняет неудачу предыдущего суда над «дерзким блатняком» Зеленцовым и методично ведет к данному финалу: «Погибла семья Снегиревых. Выкорчевали благодетели еще одно русское гнездо. Под корень» (18,226).

«Текст приговора составлен умело, по нему выходило, что на сегодняшний день страшнее, чем дезертиры Снегиревы, опозорившие всю советскую Красную Армию, подорвавшие мощь самого могучего в мире советского государства, надругавшегося над честью советского бойца, нет на свете».

И произошло это страшное убийство: «пятеро на двух безоружных огольцов». И не помог Еремей Сереге, родившемуся на двадцать пять минут позже его, не помог им командир Скорик и комроты Шапашников, - безжалостная машина все захватила в свои руки и сделала людей роботами, точно исполняющими ее инструкции. «Лейтенант решительно шагнул к цели, толкнул Серегу с бровки вниз. Убитый скомкано упал на старшего брата, прильнул к нему. Лейтенант еще два раза выстрелил в цель...».

«Еще более страшные мучения предстанут во второй книге романа «Прокляты и убиты». Уже в других сценах и картинах, звучит горестное недоумение автора: «Не может же такой пресветлый, так приветно сияющий мир, который так недавно еще звался Божьим, быть ко всему и ко всем недобрым, безразличным, пустым, почему в нем должно быть все время напряженно, тревожно, зло, ведь он не для этого же замышлялся и создавался...»(23,19).

Чтобы ответить на этот вопрос, а не просто вскрикивать о мире: ужас! И прочее, попытаемся вслед за Игорем Дедковым проследить некоторые особенности явления, изображенного В. Астафьевым.

2.3. ИДЕЙНО-ХУДОЖЕСТВЕННАЯ СПЕЦИФИКА РОМАНА

Астафьева можно назвать натуралистом по скрупулезной точности передачи действительности. Как отмечает критик «такая точность коробит»; «сам автор следует за непринужденностью самоновейшей эстетики»(14,187). Поэтому поводу остается только цитировать: «приказано следить, чтоб

новобранцы ходили по нужде подальше в лес, бить палкой тех, кто вздумает мочиться в казарме»;

«наутро нассано было возле нар, подле дверей, в песке сплошь белели солью свежие лунки»;

«в лесу все вокруг было испятнано мочой, всюду чернели застарелые коричневые и свеженькие желтенькие кучи»;

«в отхожем месте было так заложено, так вонько и скользко...»;

«ночью обитатели казармы не успевали ли не хотели выбегать на улицу, мочились на лестнице, в притвор. Их ловили, били, заставляли отдалбливать желтый лед в притворне, но все равно в дверь тянуло так, что до самых нижних нар лежала полоса изморози...»;

«...да служивые и не доносили до этого жалкого сооружения добро, сами же потом долбили, лопатами скребли вокруг, впереворот ругаясь, обещая переломить шеи и ребра тем, кого застигнут на непотребном месте при непотребных действиях».

Как видим, автор не пытается уйти от этого вопроса, которого мастерски избегали писатели и режиссеры военных фильмов. Он хочет со всей достаточностью донести любую мелочь, затрагивающую жизнь солдата, поэтому и выплывают иногда цитаты, не способные приобщить к эстетической красоте слова читателя.

«За длинными, грубо сколоченными из двух плах прилавками, прибитыми ко грязным столбам, прикрытыми сверху тесовыми корытами наподобие гробовых крышек, стояли военные люди, склоненные как бы в молитве к прилавкам – потребляли пищу из алюминиевых мисок... Меж столов и подле раздачи грязь вовсе глубока и вязка... Возникали стычки, перекатно гремел мат, сновали воршики, больные, изнеможенные люди подбирали крошки, объедки со столов и под столами».

«Меж столов сновали серые тени отпустившихся, больных людей – не успеет солдат выплюнуть на стол рыбью кость, как из-за спины

просовывается рука, цап ту кость, миску вылизать просят, по дну таза ложкой или пальцем царапают».

Мы видим, что священный обряд приема пищи, сводится в романе к набиванию желудка – ведь «военное время – это голодное время». Мысли о пище преследуют солдат повсеместно: они думают об этом во время политзанятий, во время тренировок с фанерным оружием, а затем во время окружения и штурма немецких подразделений. Люди забывают, что можно есть не торопясь, наслаждаясь вкусом; их главная задача – проглотить все как можно быстрее, пока у тебя не забрал это более сильный «товарищ». Обслуживающий персонал забывает мыть, убирать столовую; повара перестают чистить картофель, и солдаты с жадностью поглощают очистки, «после мучаясь животами».

Астафьев показал страшную, грязную, «вонючую» реальность, но ведь в это время и в этом месте не могло быть по-другому. «А здесь вот ни тебе молитвы, ни тебе покаяния, воистину антихристово пристанище, бесовское ристалище».

«Мухота, воронье, крысы справляли на берегу свой пир. Вороны выклевывали у утопленников глаза, обожрались человечинной и, удобно усевшись, дремали на плавающих мертвецах...».

Такая окружающая среда уподобляет себе своих обитателей. Они подстать ей, – такие же чумазые, опустившиеся и свыкшиеся с действительностью. Автор откровенен при описании завшивленного люда: «слышнее делалось вшей в паху, под мышками, особенно под поясом – жжет, чешется тело, шею будто ожогом опетляло»;

«Лешка шарит под бельем, лезет под мышки, в мотню, вылавливает тварей...».

Образу этого паразита Астафьев уделяет немалое место. В этом можно усмотреть аллегория: маленькое, вроде бы нестрашное; но в своей массе, несущая людям смерть, вша сравнивается с теми «врагами народа», с теми

пропагандистами-коммунистами, которые всю войну прятались в тылу, создавая видимость работы и губя невинных людей. «Наши (вши) – юркие, с круглой черненькой жопкой, неустанную труженицу напоминают, поднялись вот ни свет, ни заря, работают, жрут». И автор уверен, что не долго им осталось мучить человека, уже вскоре все они будут «прокляты и убиты». «Упираются пленные зверюги, лапами в брюхи пальцев, задами вертят, если б кричать умели, так всех бы на плацдарме воплями разбудили!... Но никакой пощады им нет, этим постоянным врагам социализма: шепотью их связист вынимает и отпускает их на волю, не на долгую – уронит вниз к ногам и обувью их заживо стопчет, похоронит: не кусайся, не ешь своих, жри фрица, пока он еще живой».

Сначала, вспомним старую, как мир, истину: «Господь терпел, и вам велел, бедный да возблагодарит богатого, слабый да убоится сильного, больной пусть уступит место здоровому... Как бы отталкиваясь от этих слов ведет свое повествование автор; перед нами вновь и вновь происходит естественный отбор, идет борьба за существование: юный изгой освобождает место на нарах и за обеденным столом более сильному, способному еще постоять за Россию-матушку. Астафьев, идя на этот шаг, не стесняется в выборе средств для достижения заданного эффекта. И вырастают перед нами образа загнивших, «затюканных» солдат, которые все стерпят, свыкнутся, перебьются, и если выживут, то найдут кого-то еще, кому преподать ту же науку: терпи и подчиняйся.

Например, Попцов: «истаскавшийся по помойкам, оборвавшийся на дровах, измылившийся на мытье полов и выносе нечистот»; «синюшный, дрожащий», «С нехорошим отеком на лице, псиной воняющий».

«В санчасть Попцова не брали, он там всем надоел, на верхние нары не пускали – пообмочит всех».

«Все более стервенеющие сослуживцы били Попцова, всех доходят били, а доходят с каждым днем все прибавлялось и прибавлялось».

Есть и групповые портретные характеристики: «на нижних нарах ютились горемыки больные, на которых дуло из неплотно закрытой двери, тянуло от сырого пола, и как их ... не наказывали, они волокли на себя всякое тряпье, вили на нарах гнезда. Стащенные за ноги, сброшенные на пол, снова и снова упрямо заползали на нары, ... только бы не на мороз в мокрых, псиной пропахших штанах».

«Писатель, живописующий и проклинаящий войну полвека спустя, что-то, должно быть, существенное хотел добавить к нашему устоявшемуся, консервативному пониманию вещей, хотел просветить нас, привлечь на свою сторону – сторону обвинения» (14,189).

Новейшее описание казармы, сделанное в пору всеобщего душевного раскрепощения, а именно в начале 90-х годов, не могло обойтись без воспроизведения непристойностей. Астафьев попытался объединить литературу и жизнь, сделав их «единым непотребством». Многие современные критики не ставят этот прием в заслугу автора. Например, Дедков И. По этому поводу размышляет: «...непристойное слово и жест – важнейший элемент правды, и без них образ всякой жизни, а тем более казармы, пресен и фальшив. Но тогда почему помяловские, воронские, решетниковы, левитовы и другие бурсуки, а также дворяне, вроде Толстого и Тургенева, насчет этой правды прекрасно осведомленные, как-то удержались в старомодных рамках, и, несмотря на это свое ханжество, не только не забыты, но и чтимы?»(14,190). В рамках таких эстетических соображений можно привести доводы в защиту автора: новое время без надсмотрщиков-моралистов возвращает свободную литературу демократической эпохи, специально созданную для нового читателя без предрассудков и комплексов. И заслугой автора является фиксация бранной речи в языке солдат, которая не была преувеличенной, а отражала страшную действительность, где вели счет жизням, а не красивым сказанным словам.

И поэтому видим мы в романе смелых, решительных, грозных врагов противнику бойцов, не стесняющихся в выражениях. Очень интересен эпизод столкновения капитана Мельникова и Лехи Булдакова. Меньшиков – это политический налетчик, бессмысленный, невежественный энтузиаст и тупой безбожник. Лик у него «серый», голос «зычный», сознание «заморенное», складки на шинели «бабьи», которые сгоняются на «костистую выгнутую спину» - создается впечатление, что такого жалеть не стоит, и потому смешно и весело, когда Леха, спасенный войной от тюрьмы, поманив пальцем Мельникова, «вытянул кадыкастую шею и, наплевав сырости в ухо комиссару, шепотом возвестил: «Не страшай девку мудям, она ведь видала!», и тут же сказался припадочным. И автор почти сразу же добавляет: «Бойцы уважали Леху Булдакова за приверженность к чтению газет, за политическую грамотность», но забывает отметить, что еще превозносили тех, кто мог «попросту» ответить начальнику, кто ставил рекорды наглости и бесстыдства.

«Матерщина в романе, как и в жизни. Пособник, спутник и провокатор жестокости и замства. Она воспроизводится как бытовая повседневность, как выражение постоянной озлобленности, пустоты, нравственной атрофии. Она – как мгновенный спуск к определенному уровню мышления и понимания (упрощения) человека. Существование в тексте отнимает у матерщины всякий автоматизм, и она красуется, лезет в глаза и звучит вызывающее: вот она я, прорвалась! Из романа она возвращается в том же самом качестве пособника жестокости. Литературная реабилитация или легализация мата лишь закрепляет его права на внезапное, бесцеремонное вторжение в мир читательской души»(14,190).

Конечно, есть у Астафьева очень «сильные» цитаты, в которых можно обойтись без ругани; но именно спуск на разговорно-обиходную речь окоп позволяет понять глубину трагедии современности: «Да мудаки такие же, как у нас, проебли, прокутили Родину, теперь вот спасают».

Лешка Шестаков наиболее близкий автору персонаж, вспоминая детство и ругань отца, удивлялся, как черный потолок бани не обрушивался на «осквернителя слова, веры, материнской чести», и, значит по малолетству чувствовал что-то нехорошее, но теперь, огрев «по башке черпаком» сержанта, соли ввергается в пучину жестокости и «чернословия».

Казарма орет, визжит, влаивает, материт весь свет, и порядок в ней наводят выверенным способом: «Старшина для примера сбрасывал со второго или третьего яруса первого бойца. Тот, загремев вниз, ударившись об пол, вопил, ругался; осатаневшие дневальные лупили уже всех подряд прикладами макетов, с боем, тычками, пинками выдворяли на мороз разоспавшихся вояк».

Вкладывая в «Проклятых и убитых» эти «мощные средства языка, Астафьев не выступил как новатор. К «чернословию» он прибегнул не первым, а вслед за другими искателями «новой художественно-эстетической выразительности», хотя те искали ее совсем в других целях, более близких к содержательной стороне мата» (14,191). Кроме того писатель нуждался в доказательствах, что русский народ сбит «с круга и хода» - этот пласт лексики стал одним из них.

Истинная новизна обнаружилась в другом, ее можно определить так: коллективная мысль и страсть.

Многие герои в романе думают как бы вместе и одиночество, одними и теми же словами. Прочтем следующее: «Сколько же он (Мельников) голов позамутит, сколько слов попусту изведет», - думали старшина Шпатор и старший сержант Яшкин» или «мальчик, сапсем мальчик убили, - уткнувшись в грудь своего старшого, тряслись казашата».

Мыслить коллективно всегда легче, ведь индивидуальность способна доставить массу хлопот, она «скрадывается, растворяется, ее как бы накрывает высокой волной единодушия и ее уже не видно, она как та ускользающе малая величина, которой позволительно пренебречь.

Пытаясь изобразить поведение какого-либо человеческого множества, художник испытывает тот же соблазн, и тогда у его героев оказывается одна голова на всех и единая нервная система» (14,192).

Например, «Народ грохнул и окончательно проснулся», «народ одобрительно шевельнулся, коротко всхохотнул», «сплошь думающие о доме, парни вздрогнули всей толпою», «публика разом присмирела», «публика на суде вся сплошь на стороне подсудимого».

Это соединение человеческого разнообразия в одну слитную реакцию, не обычный прием, передающий общее настроение. Он должен был подтвердить и доказать количественно то, что не один кто-то думал негодуя о стонущей, грязной реалии, а все – сплошь тосковали и негодовали.

Едва переступив порог казармы, они – «вчерашние школьники; зеленые кавалеры и работники», «дети рабочих, дети крестьян, спецпереселенцев, пролетариев, проходимцев, воров, убийц, не видевшие ничего человеческого» - были приведены к абсолютному обезличиванию, и начинали «полагать» единым дружным хором, сраженные страхом. Еще бы, им предстояла «подвальная крысиная жизнь» и общество людей, «превращенных в животных». Что может быть хуже и страшнее?. «По костеркам и остаткам пиршества возле них можно было угадать, что люди дошли до самой страшной крайности: как-то умудрялись некоторые уходить из лагеря, хотя тут все время занимали их трудом и видимостью его, в степях и оврагах раскапывали могильники павшего скота, обрезали с него мясо. И уже самый жуткий слух – будто бы у одного из покойников оказались отрезаны ягодицы, будто бы их испекли на потаенных костерках...».

Трагическое коллективное мироощущение (невозможно, заказано, недоступно!) ощущается везде. Например, когда картавый баловень судьбы «полуарменин-полуеврей» боец Васконьян, который ничего до армии не видел «из пегсональной машины и театгавьной ожи», принимался рассказывать

«собратьям по службе» о графе Монте-Кристо, королях «дети рабочих, крестьян» «с благоговением внимали сказочки о роскошном мире, вердо веря, что так оно, как в книгах писано, и было, да все еще где-то и есть, но им-то, детям своего времени и, как Коля Рындин утверждает, Богом проклятой страны, все это недоступно, для них жизнь по Божьему велению и правилу заказана».

«Страна проклята Богом, сохранить силы и бодрость невозможно, роскошный мир богатых и удачливых недосыгаем, жизнь по Божьим заветам запрещена. Что остается? Остается все-таки выжить, и – выживут, перетерпев три месяца – нет, не тюрьмы, не лагеря, на арбойтслагеря, даже не бурсы с их-то сроками, а казармы, и выжить дальше, хотя дальше, скорей всего, и настанет то самое «невозможно». Останется еще вера в Бога, и писатель настаивает (P.S. как говорилось выше) на ее заметном присутствии (бойцы крестятся, кто-то шепчет молитвы), однако, его герои чувствуют себя обделенными: жизнь по Божьим установлениям им не дозволена («заказана»)… Даже «старообрядец» Коля Рындин не понимает, что жить по Божьему велению не запретить, нет ни у кого таких сил, а истинная вера не нуждается в ее нарочном обнаружении перед всеми»(14,193).

Бог, понимаемый Астафьевым, - последний заступник, ведь он может пощадить и помиловать. Автор хотел поставить в заслугу своим героям их пробудившуюся религиозность, но коллективность пробуждения заставляет усомниться в глубине и искренности этого чувства у большинства.

Возвышаются в этом случае немногие: братья Снегиревы и замечательный Коля Рындин «несгибаемый» в защите своей веры. Всей «политической и сексотной кодле» не удалось согнуть его в «бараний рог». «Слова о том, что все эти молитвы, обращенные к Богу, есть кликушество и мракобесие, что только научный коммунизм и вера во всемогущего товарища Сталина могут спасти страну и народ, вбивали Колю Рындина в еще большее опустошение, в бесчувственность». Каждый из красноармейцев, «кто еще не

совсем разучился думать» считали его «положительным примером», «несгибаемым человеком», который гнется «только перед Богом в молитве», кто «не пасует перед трудностями, ... положил он на все увещания и угрозы агитаторов – ублюдков». Но почему же тогда Бог и его карает? – «Есть прегрешения в его роду», соединившись в колхозе с «деревенскими пролетариями», вовсе «испоганились». И потому «не допускает» Бог его молитву «о милости к служивым» и карает его «вместе со всеми ребятами невиданной карой, голодью, вшами, скопищем людей, превращенных в животных».

Коллективная мысль у героев Астафьева всегда как бы в легком тумане, если бы его герои думали по одиночке, то они не просто бы ужасались убийству(например, братьев Снегиревых), а поняли: почему оно допущено, по чьей слабости и равнодушию, по чьему служебному усердию; увидели бы как просто сработал карательный механизм. Но Астафьев задумал иначе: потрясение и возмущение должны были прекратить все вопросы и сомнения, ведь чем больше утверждается грозная формальность происходящего, тем меньше претензий к человеку. Поэтому освобождается от ответственности чувствительный особист Скорик, «бедный комроты Шапошников» и др. Их общее возмущение похоже на «волнение в войсках», но все это быстро обрывается, и все освобождается от ответственности – ведь никто ничего не может. Это только большая толпа людей, где любая индивидуальность боится взять на себя ответственное решение. «Герои Астафьева – судьи над другим, не над собой, им легче» (14,199). Здесь мы можем отыскать знакомую проблематику 60-70-х годов, которая с новой силой отозвалась в 90-х: терзания на тему «Может ли быть борцом одинокий человек?», «Кто сможет выиграть «бой» человек или коллектив, масса?».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Астафьев в романе «Прокляты и убиты» вывел формулу окончания войны: «не было победы, а тем более Победы, потому что мы просто завалили врага своими трупами, залили его своей кровью». Автор смог поднять эту тему с какой-то особой, ожесточенной страстностью, несомненно, подсказавшей ему и страшное, неслыханное еще на Руси название его последнего романа – «Прокляты и убиты». Достаточно произнести эти жуткие слова, чтобы понять, почему сегодня Победа отнята от нас».

«Но в Германии ничего не знают об истинных потерях на фронте. И в России о своих потерях не знают – все шито-крыто. Два умных вождя не хотят огорчать свои народы печальными цифрами. Скорее командование трусит сказать правду народу, правда эта сразу же притупит позолоту на мундирах».

И не потому ли во вступительной статье к первой книге «Чертова яма», «От автора» «Астафьев обращается к читателю, как бы раскрывая основную идею своего романа, со словами: «О, родина моя! О, жизнь! О, мой народ! Что вы есть-то? Чего еще надо сделать, чтобы прозреть, воскреснуть, не провалиться в небытие, не сгинуть? И если ты еще есть, мой народ, может вслушаешься в вещие слова современного гонимого поэта:

А может, ты поймешь сквозь муки ада,
Сквозь все свои кровавые пути,
Что слепо верить никому не надо
И к правде ложь не может привести».

Из последних строк четверостишья мы начинаем явственнее понимать, для чего писатель вводит в роман такие жуткие идеи о наказании Господнем; проблемы, не затрагивающие поражения и удачи; грязные натуралистические

особенности войны; образы; которые «убиты» или «прокляты» веками: «Вы слышали, что сказано древним:

«Не убивай. Кто же убьет, подлежит суду»

«А я говорю вам, что всякий, гневающийся

На брата своего напрасно, подлежит суду...»

(эпиграф ко второй книге «Плацдарм»)

Ведь автор видит свою задачу именно в описании правды войны, и потому здесь не может быть пленяющей нас эстетики, сверхпатриотизма и сверхлюбви.

Коллективная мысль у героев Астафьева всегда как бы в легком тумане, если бы его герои думали по одиночке, то они не просто бы ужасались убийству *например, братьев Снегиревых), а поняли: почему оно допущено, по чьей слабости и равнодушию, по чьему служебному усердию; увидели бы как просто сработал карательный механизм. Но Астафьев задумал иначе: потрясение и возмущение должны были прекратить все вопросы и сомнения, ведь чем больше утверждается грозная формальность происходящего, тем меньше претензий к человеку. Поэтому освобождается от ответственности чувствительный особист Скорик, «бедный комроты Шапошников» и др. Их общее возмущение похоже на «волнение в войсках», но все это быстро обрывается, и все освобождается от ответственности – ведь никто ничего не может. Это только большая толпа людей, где любая индивидуальность боится взять на себя ответственное решение. «Герои Астафьева – судьи над другим, не над собой, им легче»(14,199). Здесь мы можем отыскать знакомую проблематику 60-70-х годов, которая с новой силой отозвалась в 90-х: терзания на тему «Может ли быть борцом одинокий человек?», «Кто сможет выиграть «бой» человек или коллектив, масса?».

Война, какой бы она ни была, даже самая справедливая, остается неприглядной, отвратительной и противоестественной.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I. Общественно – политическая литература

1. Гармоничное развитое поколение – основа прогресса Узбекистана (Речь на IX сессии Олий Мажлиса Респ. Узб. Первого созыва, 27 авг. 1997 г.) Т., Шарк, 1997
2. Каримов И.А. Юксак маънавият энгилмас куч. – Ташкент: Узбекистон 2008
3. Каримов И.А. Мировой финансово – экономический кризис, пути и меры его предотвращения в условиях Узбекистана. Ташкент: Узбекистон. 2009
4. Каримов И.А. Наша высшая цель независимость и процветание Родины, свобода и благополучие народа. Том 8. Ташкент: Узбекистон. 2000
5. Каримов И.А. Либерализация общества, углубление реформ, повышение духовности и уровня жизни народа – критерий и цель всей нашей деятельности. Т 15. – Ташкент. Издательско – полиграфический творческий дом «Узбекистан» 2007. – С. 205 .
6. Каримов И.А. Гарантия благополучной жизни – построение демократического правового государства, либеральной экономики и основ гражданского общества/ Доклад на заседании кабинета Министров посвященном итогам социально-экономического развития страны в 2006г.-Ташкент:Узбекистан,2007.
7. Каримов И.А. Человек и его права и свобода – высшая ценность. Т 14. – Ташкент. Издательско - полиграфический творческий дом «Узбекистан» 2007. – С. 205.
8. Наша главная задача-дальнейшее развитие страны и повышение благосостояния народа.- Ташкент: Узбекистан, 2010.
9. Каримов И.А. Узбекистан на пороге достижения независимости.- ,.: Узбекистан, 2011.

II. Художественная литература

1. Астафьев В. Прокляты и убиты. Часть 1. «Чертова яма». – М., 1994. – 512 с.
2. Астафьев В. Прокляты и убиты. Часть 2. «Плацдарм». – М., 1994. – 480 с.
3. Астафьев В. Сопричастный ко всему живому//Лауреаты России: Автобиография российских писателей. – М., 1980. – Кн. 3. – с. 5-29.
4. Астафьев В.П. Библиографический указатель. – Красноярск: Издательство Красноярского у-та, 1989. – с. 4.
5. Астафьев В. П. Сибиряк. – Пермь: Книжное издательство, 1959. – с. 26.
6. Астафьев В. Кража//Сибирские огни. – 1966.- №8 – с.3-83; №9. –с. 21-85.
7. Астафьев В.П. Перевал//Урал. – 1959. - №5. – с. 43-104.
8. Астафьев В. Пастух и пастушка: Современная пастораль//Наш современник. – 1971. - №8. – с. 2-70.
9. Астафьев В. Печальный детектив: Роман//Октябрь. – 1986.- №1.–с.8-74.
10. Стародуб: повесть//Прикамье: Альманах. – 1959. - №27. – с. 3-35

III. Научно-критическая литература

11. Ануфриев А.Е. Особенности психологического анализа в рассказах В. Астафьева 60-х годов//Идейно-стилевое многообразие советской литературы. – М., 1982. – с.119-127.
12. Большакова А. Слышать боль каждого: [О творчестве В. Астафьева]//Москва. – 1984. - №5. – с.195-197.
13. Давыдов Б. О книге «Прокляты и убиты»//Нева. – 1995. - №5. – с.201.
14. Дедков И. Объявление войны и назначение казни//Дружба народов. – 1993. - №10. – с.185-202.
15. Ершов Л.Ф. Виктор Астафьев и лирико-философская проза//Рус. лит. – 1984. - №1. – с.75-89.

16. Ершов Л.Ф. Дорогой памяти: Виктор Астафьев//Ершов Л.Ф. Память и время. – М., 1984. – с.190-212.
17. Ершов Л.Ф. Три портрета: Очерки творчества В. Астафьева, Ю. Бондарева, В. Белова. – М.: Правда, 1985. – 48 с.
18. Есаулов Сатанинские звезды и священная война//Новый мир. – 1994. - №4. – с.224-240.
19. Жулинский Н.Г. Человек в литературе. – Киев: Наукова думка, 1983. – 303 с. О творчестве В.П. Астафьева, с.84, 93, 118,129, 209.
20. Журавлев С.И. Эта война должна быть последней! (О Викторе Астафьеве)//Журавлев С.И. Память пылающих лет: Современ. проза о Великой Отечественной войне. – М., 1985. – с.139-154.
21. Иванов Д. Контуры жизни: Из дневника критика: (О творчестве В.П. Астафьева). – М.: Современник, 1984. – 255 с.
22. Клитко А. Парение духа и земные материи//Сиб. огни. – 1983. - №6. – с.148-155.
23. Кузичева А. «Прокляты и убиты»//Книжное обозрение. – 1993. - №52, 31 декабря. – с.19.
24. Куняев С. Там, где рождается слово: По следам творчества Виктора Астафьева//Лит. учеба. – 1983. - №3. – с.119-126.
25. Курбатов В.Я. Миг и вечность: Размышления о творчестве В. Астафьева. – Красноярск: Кн. из-во, 1983. – 166 с.
26. Ланщикова А.П. Возраст судьбы: [В.П. Астафьев и др.]. – М.: Современник, 1985. – 365 с.
27. Литература пятидесятих-восьмидесятых годов//История русской советской литературы. – М., 1986. – с.389-440.
28. Мир прекрасный и яростный: [О творчестве В. Астафьева]//Знаменский А. Убежденность. – Краснодар, 1986. – с.125-144.
29. Мяло К. Мертвых проклять//Наш современник. – 1995. - №6. – с.186.

30. Овчаренко А. Герой и автор в творчестве Виктора Астафьева//Москва. – 1986. - №4. – с.184-195.
31. Память войны в творчестве В. Астафьева и В. Распутина//Великая Отечественная война в современной литературе: (Сб. ст.) – М., 1982. – с.240-243, 255-261.
32. Петелин В. Мятая душа России: (Споры и размышления о соврем. рус. прозе). – М.: Сов. Россия, 1986. – 384 с.
33. Прищепа В. Без крови и страданий: (О воен. повестях В. Астафьева)//Учит. газ. – 1984. – 5 июня.
34. Прищепа В. Ответственность художника//Заполярь. правда. – 1984. – 13 июня.
35. Сургаков В.С. Астафьев снова пишет о войне//Литературное обозрение. – 1993. - №10. – с.2-10.
36. Чекунова Т.А. Нравственный мир героев В. Астафьева/Моск. обл. пед. ин-т им. Н.К. Крупской. – М., 1983. – 30 с.
37. Юдалевич Б. Пришел солдат с фронта...: (К 60-летию В. Астафьева)//Сиб. огни. – 1984. - №5. – с.136-140.
38. Янковский Н. Виктор Астафьев: Очерк творчества. – М.: Сов. писатель,

IV. Литература интернета

1. www.litra.ru.composition
2. www.litrabest.ru
3. www.world-art.ru
4. ilibrary.ru
5. www.klassika.ru
6. www.bookmate.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Общая характеристика творческого пути писателя	9
Глава 2. Идеино-эстетические особенности прозы	
В. Астафьева 90-х годов	20
2.1. Проблема выбора между патриотизмом и христианской совестью	20
2.2. Основные характеры в романе «Прокляты и убиты», «Адово место»	23
2.3. Идеино-художественная специфика романа	33
Заключение	43
Литература	45